

УДК 821.161.1-4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С65

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Сорокин, Владимир Георгиевич

С65 Нормальная история: сборник эссе / Владимир Сорокин. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2019. — 224 с.

ISBN 978-5-17-115734-0

В сборник "Нормальная история" вошли статьи и эссе Владимира Сорокина, написанные и выходившие в 2010-е. В нехудожественной прозе автор не изменяет любимым темам: еда и питье как проявления национального характера, Москва и Берлин, взаимопроникновение жизни и литературы. Из небольших заметок вырисовывается сотканный из деталей стиля и быта точный портрет двухтысячных, неумолимо становящихся прошедшей эпохой. Особого внимания достойны тексты о художественной среде восьмидесятых, сформировавшей Сорокина как писателя. Называя последнее десятилетие существования СССР "разрывным временем", когда "процесс стал теснить состояние", Сорокин показывает, как стремительно разрывало тогда привычную картину мира, отказываясь от рамок неподцензурное искусство. Это свидетельство участника "процесса" ценно не только для историков искусства, но и для рядового обывателя, у которого восьмидесятые ассоциируются то ли с бесконечной очередью, героиней и сюжетом первого романа Сорокина, то ли с партийным санаторием. Для современника, не слышавшего в те времена имперского распада о Пригове, Кабакове и московском андеграунде.

УДК 821.161.1-4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-115734-0

© Владимир Сорокин, 2019
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2019
© ООО "Издательство АСТ", 2019
Издательство CORPUS ©

СОДЕРЖАНИЕ

МОСКОВА	7
ПОДМОСКВА	13
ПЕРВОМАТ	17
СИМБИОЗ?	21
ПЫЛЬ	27
МУСОР	31
АВТОМАТИЗМ	35
МОРОЗ	39
ЗАВТРАК	43
МАСЛО	49
КУШАТЬ ПОДАНО!	53
ПУЩЕ НЕВОЛИ	57
РОК ВПЕРВЫЕ	63
СМЕШНО?	69

ТЕМНАЯ ЭНЕРГИЯ	77
ВОДА, КОТОРУЮ МЫ ПЬЕМ	83
ВОДКА	87
ГЛАВНОЕ РУССКОЕ БЛЮДО	91
LUTEFISK	95
БУЛИМИЯ	99
ЖИЗНЬ НА ЛЬДУ	103
МОРДОДЕРЖАВИЕ	107
ДИВНЫЙ НОВЫЙ МИР	111
РОБОТЫ	115
МЕЖДУ	119
НЕСНИМАЕМОЕ	123
МОДЕРНИЗАЦИЯ ГРОТЕСКА	127
ЛИТЕРАТОРЫ + АЛКОГОЛЬ	133
КТО НАПИШЕТ “РАКОВЫЙ КОРПУС”?	137
ЛИТЕРАТУРЩИНА	143
КИНО	147
НИЗКИЕ ЗВУКИ	151
РАЗРЫВНОЕ ВРЕМЯ	157
НОРМАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ	169
ВОЗДУХ СЛОВ	185
ПОДВОДНЫЙ ЛЕС ПЕГГИ ГУГГЕНХАЙМ	199
ГОРОД ОТКРЫТЫХ ПРОСТРАНСТВ	209

· МОСКОВА ·

Москова-а-а-а...
Рот растягивается то ли в зевоте,
то ли в недоумении-удивлении:
— Москва?!

Что-то болотисто-лягушачье в названии столицы нашей, одновременно с чем-то бабьим, румянощеким, жопасто-грудастым, и с отрыжкой после сытного обеда, в зевоту переходящую, и с деревенской спесью, задором, надрывным окриком, пердежом, гордостью и спесью, теперь уже столичной:

— Мы — Москва, а вы кто такие?!

Более полувека обитаю в этом городе и в окрестностях его, а что такое Москва — так до конца и не понял. Город? Деревня? Страна? Государство в государстве?

Столица. Вот слово, вроде бы все объясняющее и ставящее на место. Но пожужь его, пожужь

ешь — и выплюнешь: мало в нем проку, ничего по сути не проясняет. Ну, столица. Столиц в мире много. А образ ее каков? Суть в чем?

Место, где стоит вертикаль власти. Где сходятся все пути государственные. Это понятнее. Голова огромного имперского дракона. Ставшего теперь бронтозавром. Все нервы и вены от гигантского многовекового туловища тянутся сюда.

Мегаполис, в который несут и везут со всех концов страны. И едут с челобитными. Например, из Горного Алтая. Едут с челобитными на лошадях по горным тропам, с кожаными кошельми золота и изумрудов, под охраной ратников, потом пересаживаются на “мерседесы” с мигалками, укладывают кошель в багажники, едут в Кремль.

На картах географических Москва круглая. Яйцо эдакое, с белком спальных районов и желтком центра. А в желтке — бордовый треугольник: Кремль. Как зародыш в яйце из-под деревенской курицы.

Созерцание Кремля еще в детском возрасте вызывало оторопь: как-то торжественно и страшно, везде милиционеры, флаг, а рядом еще мумия желтая в сундуке малахитовом лежит, которую надо всем с детства почему-то любить, куранты бьют грозно... Вводили в Кремль за руку, показывали и рассказывали: вот Царь-пушка, вот

Царь-колокол. Чудовища! Зев Царь-пушки, готовый тебя проглотить, а потом выстрелить тобою во врагов России. А колокол, который треснул, как мне всегда казалось, от самооглушения...

Нет, от Кремля, от сталинских высоток, от “челюсти” Нового Арбата хотелось бежать в московские переулки. В них была прелесть. Уют. Они до сих пор человеческого размера. Наверное, единственное по-настоящему городское в Москве. Кривоколенный, Столовый, Гнездниковский, Староконюшенный... В них хорошо было гулять, разговаривать, пить портвейн и целоваться. Было. Ибо теперь они забиты дорогими и грязными автомобилями. Они стоят там даже ночью. Целоваться рядом с ними как-то не очень эстетично...

Очаги человеческого в Москве: переулочки да бульвары. Да еще дворы московские. Хотя дворы нынче все перекрыты шлагбаумами, словно это государственные, запретные зоны. Увы, из уюта переулков быстро вырастаешь и выходишь на проспект. А там высотки, поток машин, ветры государственные и энергии социальные... неуютно.

Что теперь с Московою-то?

Как-то много всего. После сталинского, хрущевского и брежневского по ней прошли еще пара мощных катков: лужковский и собянинский. Катились быстро, нахраписто, дорого, огол-

тело и безвкусно. Сперва строили ларьки у метро, потом в одночасье их сносили. Ломали старые здания. Асфальт сменили на плитку. Еще раз. И еще раз. Плитка дышит кладбищенско-казенным духом. Москва теперь как бы зачищена под сталинско-брежневский эталон государственной столицы. В духе дня, как говорится. Нынче в моде застой. Выметено все чисто. Ярко освещено. Стоят светящиеся украшения, напоминающая праздники в детском саду. Прносятся государственные эскорты с мигалками.

Чистая, подмороженная Москва.

Она дышит высокомерным пространством отчуждения от человека.

Есть новизна, есть роскошь, сразу нагло бросающаяся в глаза. Но нет уюта. Полно дорогих, сногшибательных ресторанов. Но крайне мало недорогих и уютных.

С каждым днем убеждаюсь: в этом городе по-настоящему счастливы чиновники, электронно-платежные системы и автомобили. Это их город. Обычного человека Москва по-прежнему не замечает, как и в советское время. Она его перемальвает в некий биофарш, обслуживающий чиновников, машины и банкоматы. А при случае — пережует и выплюнет.

А уж про экологию и биоэнергетику и говорить страшно...

Мне возражат: в этом и есть новый москов-

ский стиль. Наверно. И стоя в пробках из грязных машин, я себя убеждаю: да, это и есть моя Москва. И другой не будет. Ее надо любить. Я старался это делать в семидесятые, когда она была пустоватой, с очередями и лозунгами, вроде “Партия — бессмертие нашего дела!”, в новорусские девяностые, когда быстро и курчаво строили, стараюсь и сейчас, в вертикальновластные, плиточно-бордюрные нулевые.

И с каждым днем понимаю, что близка мне по-настоящему только Москва конца XIX века. И по размеру, и по стилю. И по духу. Кинохроника той Москвы завораживает. О такой Москве приятно мечтать, стоя в пробке на Ленинском проспекте. Хочется нырнуть туда и оказаться на ее нешироких улицах человеческого размера с рысаками, калачами, Хитровкой, Охотным Рядом, Сухаревкой, городовыми, гимназистками, юнкерами, дамами, господами, приказчиками и половыми, говорящими на настоящем русском языке. Язык современной Москвы писателю может быть приятен разве что феноменологически.

Да, у той Москвы было свое лицо. Поэты объяснялись ей в любви: “Я люблю этот город вязевый”, “Я хотел бы жить и умереть в Париже, если б не было такой земли — Москва”, “Москва! Как много в этом звуке...”, “Как бы дым твоих ни горек труб, глотать его — всё нега!”, “Здесь чудо — барские палаты с гербом, где вписан знат-

ный род; вблизи на курьих ножках хаты и с огурцами огород”.

Увы, огороды с огурцами давно закатаны асфальтом, который сменили на государственную плитку.

Лицо современной Москвы состоит из шрамов.

Ей досталось в двадцатом веке и достается в двадцать первом.

Каменный рот города открывается:

— Москова-а-а-а-а...

То ли крик, то ли стон.

Город, изнасилованный вертикалью власти.

У маркиза де Сада в “Новой Жюстине” был чудовищный персонаж, русский граф Минский, обладающий колоссальным, никогда не опадающим фаллосом. Акт с Минским был смертелен для избранницы: раздавался “печальный треск костей”, и все кончалось.

Трещат, трещат косточки румяной Московы.

Сила страсти Вертикали Власти!

И что делать московитам?

Выхода два:

Жить здесь дальше.

Бежать, бежать с котомкой за спиной в широкий шум задумчивых лесов...

· ПОДМОСКВА ·

Эпизод 1.

Тебе восемь. Лето. Ты сидишь в саду в шезлонге, листая большую книгу про Мюнхгаузена. Друг выбивает подпорку шезлонга, ты падаешь назад, шезлонг складывается, твой правый мизинец попадает между рейками. Верх пальца срезан, ноготь болтается на ниточке, ты бежишь домой, плача и брызгая кровью.

Через пару недель, учительница музыки: “Гамму таким пальцем уже не сыграть”. Короткий пятый отчаянно-бесполезно клюет клавиши, пахнущие бабушкиным уютом.

Эпизод 2.

Ты в третьем классе, она в первом. По дороге из школы вы узнали от пятиклассника о том, что делают взрослые по ночам. Зимний вечер, луна в облаках. Куча угольного шлака, куда истопник

только что выбросил горячий шлак. Снег шипит, и пахнет кислым. Стучит электричка, полаивает собака. Стоя за кучей, вы пытаетесь совершить свой первый половой акт. Варежки болтаются на резинках, партнерша, подняв коротенькую шубку и спустив рейтузы с трусами, смеется и отстраняется: ей щекотно. Ничего не выходит. Но ощущение теплого, ускользающе-желанного женского тела остается навсегда.

Эпизод 3.

Тебе одиннадцать. Школа. Тыходишь в туалет. Там курят старшеклассники. Звонок на урок. Вдруг резкий удар в лицо. Цветовые радуги в твоих глазах. Смех. Они уходят, выдыхая дым. Ты один в туалете. Стоишь у замазанного белым окна. Плюешь на подоконник. Видишь, как твои слезы смешиваются с кровью на подоконнике.

Эпизод 4.

Тебе тринадцать. Сухое лето. Оседлание велосипеда, выкруливание по песчаной тропинке от сарая к воротам. Выезд за ворота на Первомайскую улицу, первый сосновый корень под колесом, второй. Старший друг детства у калитки соседнего двора. В его правом кулаке смятый рубль, украденный у родителей. Левая рука держит сумку с пустой бутылкой. Друг садится на багажник. Велосипед вихляет по песку, усыпанному сосно-

выми шишками. Путь до станции. Пристанционная площадь с подсолнечной шелухой и окурками. Палатка. Очередь в четыре человека. Рубль и пустая бутылка исчезают в руках продавщицы. Вскоре она протягивает бутылку, наполненную портвейном “777”. Друг закупоривает ее припасенной газетной пробкой, убирает в сумку. Путь назад. И за сараями, на досках, в бужине — первый в жизни глоток портвейна.

Эпизод 5.

Тебе тринадцать. Августовский пыльный вечер. С толпой ты вываливаешься в темноту из летнего кинотеатра, где только что посмотрел “Великолепную семерку”. Ты натыкаешься на темных людей, оторопело озираешься по сторонам: за эти полтора часа ты совершенно забыл, кто ты, как тебя зовут и на какой улице твой дом.

Эпизод 6.

Тебе четырнадцать. Под впечатлением от замусоленной тетрадки с подпольной школьной эротикой (“Возмездие”, “В бане”, “Маркиза” и т. д.) ты написал эротический рассказ “Яблоки”, для пущей важности сказав, что перевел его из американского журнала “Лайф”. Рассказ принимается на ура, никто и не заподозрил, что это твой рассказ. Тетрадка с твоим рассказом бесследно растворяется в школе.